

CZU 111.83:34

О соотношении истинности и нормативности

Efim MOHOREA

doctor în filosofie, profesor universitar

Ion BUZINSCHI

asistent universitar

Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Șef-adjunct, Oficiul teritorial Bălți al Cancelariei de Stat

Abstract. *This article is devoted to the analysis of the correlation between truth and normativity, "objective truth" and "normative legal truth". The need to distinguish the logical-gnoseological and axiological aspects in the research of legal phenomena is emphasized. The authors demonstrate that legal norms, although they contain objective truths, due to their prescriptive character, do not possess the so-called "truth value", i.e. they cannot be considered true or false, but fair or unfair, effective or ineffective, valid or invalid, etc.*

Keyword: *objective truth, material truth, formal truth, value, descriptive statement, judgment, judgment (sentence) of value, truth value, legal norm, normativity, imperativeness, prejudicial act, crime.*

Введение. *Истина – это абстрактная философская категория (противоположная лжи), которая применяется как на уровне здравого смысла, так и в научных исследованиях. Фактически этот термин обозначает определенные дескриптивные (описательные), декларативные суждения, грамматические повествовательные предложения и т.п. (в утвердительной или отрицательной форме), которые обладают предметной истинностью, т.е. могут быть истинными или ложными.*

Первую в истории философии теорию истины, ставшей впоследствии *классической*, разработал Аристотель. Следует отметить, что классическая Аристотелева *абстрактная истина (субъективированное прилагательное «истинный»)* понимается большинством современных авторов как *объективная истина*. Элементарной формой мышления, обладающей истинностью, является *дескриптивное суждение*. Понятие, по Аристотелю, не обладает истинностью, а только предметным значением.

Итак, *истинными* (в классическом понимании) следует считать дескриптивные суждения, структура которых (в том числе, логические субъект – о ком или о чём мыслится

и предикат – что мыслится, т.е. чем является или не является логический субъект) *адекватна*, т.е. *идентична по форме (изоморфна) структуре объекта* (материального или идеального) *познания*. Проще говоря, истинными следует считать описательные суждения (в утвердительной или отрицательной форме), структура которых строго однозначно соответствует структуре объекта познания (любой природы и содержания). Соответственно, *ложными* называются дескриптивные суждения, структура которых *не адекватна* структуре объекта познания.

В средних веках, а затем в Новое время концепция истины Аристотеля (она стала называться *корреспондентской*) подверглась модификациям, что отрицательно сказалось на её применения в научном познании.

Необходимо отметить, что Аристотелю также принадлежит разработка теории *умозаключения* («Первая аналитика» и «Вторая аналитика»), которая впоследствии привела к образованию *формальной* (логической) теории истины; именно она обеспечивает *формальную правильность* рассуждений.

Многие философы, в том числе И. Кант, неопозитивисты, пост-позитивисты и их последователи критиковали Аристотелеву теорию истины за то, что в ней сравниваются разные по своей природе объекты – *мысли* (идеальное) и *тела* (материальное). По Аристотелю, адекватность дискурса (речемыслительного акта) и бытия всё же возможна, как это следует из подробного анализа его работ, поскольку в познавательной деятельности реализуется *изоморфизм* (идентичность *форм*, т.е. способов организации *содержания*) между структурой (истинного) предложения и онтологической структурой объекта познания. Например, *речемыслительная формулировка* закона Архимеда, по своей структуре, адекватна структуре погруженных в жидкость или газ тел: *на тело, погружённое в жидкость или газ, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненного вещества*.

Данная статья посвящена анализу соотношения *сущего* дескриптивных суждений и *должного* прескриптивных суждений, содержащихся в юридических нормах.

1. О специфике истины в правовых нормах

В зарубежной (в частности, французской и немецкой), а также советской и постсоветской юридической литературе, наряду с термином «объективная истина», продолжает использоваться понятие «материальная истина».

Известный советский процессуалист *М.С. Строгович* (1894-1984) писал, что из сущности и задач правосудия вытекает требование, чтобы по каждому расследуемому и разрешаемому судом уголовному делу была установлена *истина*, т.е. чтобы осужден и наказан был действительный преступник, а невиновный человек был освобожден от обвинения,

реабилитирован; только тот судебный приговор, в основе которого лежит истина, является законным и обоснованным приговором, актом правосудия [См.: 6, стр. 131-132].

В соответствии с классической теорией, истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина, называемая *материальной истиной*, которую М.С. Строгович определял так: «*Материальная истина в уголовном процессе – это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах, расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц*» [Там же, стр.132, :308].

Применяемая М.С. Строговичем классическая теория истины в уголовно-процессуальном праве фактически означает, что *материальная истина* есть вид (разновидность) *объективной истины*, так как наряду с *родовым* признаком (соответствие структуры дескриптивного суждения структуре объекта познания) им перечисляются также (явно или неявно) определённые *видовые отличия* (например, истина устанавливается *только при помощи указанных в процессуальном законе средств, в определенном юридическом, процессуальном порядке*).

В юридических науках проблема истины не ограничивается материальной истиной, применяемой в судебных процессах (уголовных, гражданских и т.п.). Некоторые специалисты считают истинными сами теории права, поскольку, по их мнению, последние представляют собой верное отражение в сознании юристов социальной действительности и закономерностей её развития. При этом, однако, необходимо учитывать существенное различие между природной (материальной) реальностью и социальной действительностью. Так, например, известный итальянский специалист в области философии права *Джорджо Дель Векьо* (1878-1970) в «Лекциях по философии права» писал, что слово «закон» относится как к физическому, так и к юридическому порядку: физический закон выражает только то, что *есть*, а юридический закон выражает то, что *должно быть*.

Хотя большинство юристов утверждают, что юридические нормы *объективной истинностью* не обладают, всё же следует обратить внимание на то, что отдельные авторы полны решимости доказать обратное. Так, российских теоретик права *В.К. Бабаев* (1939-2008) был убеждён в том, что свойство нормы права быть *велением*, властным *предписанием*, устанавливающим определённый образ действия субъектов, не «может служить препятствием для признания её суждением по двум соображениям». Во-первых, считал он, нормы права не сводятся только к побудительным предложениям; во-вторых, далеко не все нормы устанавливают (предписывают) определённый образ действия. Это свойственно лишь

регулятивным и охранительным нормам. Дефинитивные нормы или нормы-принципы, отмечал В.К. Бабаев, выполняют служебную роль в механизме правового регулирования. «Властный характер, следовательно, не лишает норму признаков суждения. Нормы права – абстракции (как и все суждения), сформулированные людьми (в этом смысле они субъективны). Но такие абстракции, во-первых, есть отражение и обобщение действительности и ею обуславливаются (в этом их объективность). Во-вторых, они рассчитаны на урегулирование жизненных ситуаций, в чем и проявляется их специфика» [2, стр. 30].

В.К. Бабаев утверждал, что любая правовая норма обладает всеми признаками суждения, поэтому, как и иные суждения, юридические нормы поддаются, логической классификации, которую правомерно проводить по основаниям, принятым в логике.

В соответствии с диалектическим материализмом, отмечал В.К. Бабаев, истинный характер нормы проверяется общественной практикой, которая выступает критерием истинности наших знаний, т.е. критерием истинности правовых норм является правореализующая и правоприменительная практика. Истинный характер юридической нормы, также отмечал он, проявляется через ее эффективность. Однако эти понятия не совпадают, ибо истинная норма может быть малоэффективной или неэффективной, если она, например, толкуется по-разному или на пути ее реализации возникают иного рода препятствия. И всё же, настаивал В.К. Бабаев, «принцип истинности присущ всему процессу правового регулирования, начиная с правовой регламентации общественных отношений и заканчивая правоприменительной деятельностью государственных органов и должностных лиц. Более того, вопрос об истине в праве вполне правомерно считать структурным элементом методологии правоправедения» [Там же: с. 37].

Российский юрист *В.М. Баранов* разделяет мнение В.К. Бабаева и утверждает, что нормы права обладают *истинностью*, т.е. могут быть как *истинными*, так и *ложными*.

Остановимся более подробно на анализе идей этого автора, так как он много лет стремится представить юридическую норму в качестве суждения, обладающего истинностным значением. Этой проблеме он посвятил значительное количество работ, включая объёмную монографию, а также докторскую диссертацию.

Вышеназванный автор аргументирует свою точку зрения так: при государственной оценке той или иной существующей деятельности стоит конкретная задача – «придать» ей форму должного. Именно поэтому обычно сущее в норме права остается как бы «за кадром», «в тени». И тому есть вполне материалистическое объяснение. Дело в том, что «должное» – определяющая характеристика содержания всех норм права. Конечно, формы и

«концентрация» долженствования различны у разных видов правовых норм. Но должное всегда (порой в скрытой форме) содержится в нормативно правовом суждении. Процесс отражения истины в правовой норме осуществляется как диалектическое единство суждений факта и оценочных суждений должного, которые интегрируются в практическое суждение о фактах [Об этом см.: 3, стр. 65].

В.М. Баранов утверждает, что «нормативность в праве не должна отождествляться с императивностью», «различные виды правовых норм обладают разной степенью императивности» [Там же, стр. 68]. Категория истины является центральной категорией логики и гносеологии, поэтому логико-гносеологическая природа «правовых норм едина и не зависит от вида нормы» [Там же, стр. 76]. Он приходит к выводу о том, что «никакого непроходимого барьера между сущим и должным в правовой норме нет. И исторически, и логически нормативно-должное возникает из сущего, которое определенным образом осведомляя, ориентируя правотворческий орган, детерминирует тот или иной модус долженствования. Норма права – единство сущего и должного. Должное – новый этап развития сущего. Суждения со связкой «есть» в порядке логического следования способны переходить и переходят в суждения со связкой «должен». Перевод знания, которое описывает деятельность как она есть, на язык должного, целевого, практического юридического назначения означает переход от категориальной структуры научно-теоретического, профессионального или обыденного мышления к категориальной структуре практического правового мышления... При переходе к практическому правовому мышлению происходит концептуальное изменение смыслов, то есть переход от одной категориальной структуры к другой с помощью языка, который выражает и тем самым объективирует мысли о действительности» [Там же, стр. 64-65].

В.М. Баранов также предполагает возможность *углубления и развития* идей В.К. Бабаева об *истинности юридических норм*, в частности, «на обосновании и поиске того общего содержательного элемента в их строении, который поддается *гносеологическим характеристикам*... Норма права – диалектическое единство знания, чувств и эмоций, культуры и нравственности, выраженное в простом либо сложном суждении. Истинность нормы права – выявление её смысловых координат, регулятивных возможностей и пределов. *Истинность – объективное свойство нормы права, выражающее проверяемую социальной практикой меру пригодности её содержания и формы в виде познавательно-оценочного и культурно-психологического образа соответственно отражать тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности, совершенствования природы человека*» [4, стр. 12].

Учитывая, что основные элементы правовой системы составляют её правовые нормы, важно исследовать, прежде всего, проблему истинности суждений, входящих в состав правовые нормы, а затем – рациональное содержание самих правовых норм.

2. О соотношении истинности и нормативности

Проблема рациональности правовых норм была актуальна в прошлом и остается актуальной в настоящее время.

Основная трудность анализа познавательного содержания правовых норм заключается в их *императивности*, их *прескриптивном*, *предписывающем* характере. Известно, что значения истинности относятся к описательным, констатирующим (утвердительным или отрицательным) высказываниям, называемым в формальной логике *когнитивными* суждениями, посредством которых выражаются истинные или ложные мысли о соответствующих объектах. Дель Веккьо говорил, что не может представить себе правило, которое не имело бы императивного характера. То, что является простым высказыванием или наблюдением, считал он, на самом деле не имеет юридического содержания. По словам Дель Веккьо, *в праве нет изъявительного наклонения, а есть повелительное; когда изъявительное наклонение используют в кодексах законов, оно имеет повелительное, т.е. императивное значение. Нормативность означает императивность*. С этим согласны большинство специалистов в области права.

Под императивным характером нормы следует понимать *предписание* поведения: в соответствии с требованием нормы на субъекта права налагается *обязанность* или *запрет*. Формально-логически, *императивно р* означает *обязательно р* или *запрещено р*, где *р* символизирует поступок (действие или бездействие). Соответственно, *не императивно р*, т.е. *не-р*, означает: *ни обязательно р, ни запрещено р*.

Посредством текста нормы законодатель обращается к сознанию субъекта права, чтобы тот регулировал свое поведение в соответствии с предписанием закона.

Большинство специалистов признают, что в логической структуре правовой нормы должны содержаться три основных элемента: *гипотеза*, *диспозиция* и *санкция*. Вербально это выражается известной формулой: *«если – то – иначе»*. В учебниках по общей теории права эта формула интерпретируется так: *«если»* отражает *условия*, в которых действует норма права, *«то»* – само *правило поведения*, требуемое в данных условиях, и, наконец, *«иначе»* представляет конкретные *последствия за неисполнение* правила поведения в конкретных условиях.

Отдельные современные правоведы утверждают, что правовые нормы относятся к выражениям, имеющим *бинарный* (двойственный) характер, а именно *описательный* и

оценочный или *описательный* и *предписывающий*: они содержат описание сферы правовых отношений жизни общества; они также предписывают определенные формы поведения и требуют реализации известных *ценностей* и *идеалов*.

К сказанному можно добавить, что теоретическая ценность описательных суждений – это *истина*, а практическая ценность предписывающих суждений – общественное *благо* (порядок, стабильность и т. д.). Румынский философ и социолог *Петре Андрей* (1891-1940) в работе «Философия ценности» писал, что знание имеет своим объектом ценность *истины*, содержащуюся в наших представлениях; идея ценности ни в коем случае не может быть подчинена *практическому императиву*. Практический императив касается действия и имеет ценность для воли, тогда как теоретическая ценность касается разума, знания. Эти две ценности – *теоретическая* и *практическая* – тоже имеют особые формы, ибо форма абсолютной теоретической ценности есть *истина*, а форма практической ценности есть *благо*.

Учитывая, что правоведа оперируют с т.н. *онтологическими* истинами (положениями факта, экзистенциальными ситуациями), можно сделать вывод, что на самом деле ценность норм, в том числе правовых, проявляется в *тройственной* ипостаси – *экзистенциальной* (т. е. в наличии материального носителя ценности), *рациональной* (т.е. логико-гносеологической, ибо субъект, должен обладать знаниями об объекте и выражать их в истинных и логически правильно сформулированных суждениях об объекте) и *практической, прагматической* (оценивающей, ибо субъект посредством взаимосвязи с носителем ценности осознаёт и выражает своё отношение к носителю ценности и имеет дело с ценностью как таковой).

Итак, аксиологическая сущность правовых норм проявляется через органическое единство онтологического (реального), гносеологического (познавательного) и практического, прагматического (относящегося к фактам, действиям, деятельности). На уровне здравого смысла человек не осознает различия между этими аспектами. Однако в строгом научном понимании следует иметь в виду, что в отношениях с объективной реальностью субъект оперирует тремя типами суждений: *экзистенциальными* (выводами относительно существования или несуществования чего-либо, например, в любом обществе существуют противоправные действия, в том числе, преступные), *дескриптивными* (реальными описаниями, беспристрастными выводами о действительности, например, о том, что люди – это живые, чувствующие и мыслящие существа, которые понимают, что свобода одних заканчивается там, где начинается свобода других) и *ценностными* (через субъективные отношения – оценки, например, что преступления – явления вредные, общественно опасные).

Право (*jus*) посредством своих норм (*lex*) предписывает, приказывает делать или не делать что-либо, поэтому, констатировал Дель Веккьо, это – *универсальная норма действия*,

включающая в себя всё человеческое поведение. Одна из его ценностных функций заключается в следующем: *закон признает определенные блага личности, хочет их защитить и достигает его, запрещая всякий вред.*

Итак, очевидный императивный характер правовых норм проявляется в двух видах норм: *предписывающих* (обязательных) и *запрещающих* (интердиктивных).

Нормативная система права разработана с целью регулировать поведение агентов социального действия (индивидуумов, социальных групп, организаций и т.д.), человеческие межличностные отношения и отношения между организациями и учреждениями, чтобы обеспечить реальный общественный порядок, соответствующий воле большинства человеческого сообщества, всей совокупности ценностей и идеалов, господствующих в обществе. Правовые нормы имеют предписывающий, общий и безличный характер, устанавливая права и обязанности, полномочия и разрешения субъектов правоотношений. Таким образом, правовые нормы становятся своеобразными *эталоном* или *стандартами*, регулирующими поведение людей, учреждений и организаций, существующих в обществе, и в соответствии с которыми такое поведение подлежит оценке как *законное* или *противозаконное*.

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: правовые нормы обращены как к интеллектуальной сфере (рассудку, разуму), так и к волевой сфере (воле, намерению и др.) сознания субъектов права. То есть субъекты права должны понимать содержание правовых норм, осознавать их ценностное и прескриптивное значение, прилагать волевые усилия к их соблюдению в практической деятельности (посредством поведения в соответствии с нормами, тем самым реализуя требование, содержание нормы посредством правильного поведения). Описание поведения производится с помощью оценочных суждений; последние оценивают поведение как *правильное* (законное) или *неправильное* (незаконное). Иными словами, юридическое мышление не ограничивается только изучением когнитивных (познавательных), описательных, декларативных суждений.

Чтобы рельефнее показать различие между эпистемической (познавательной) и ценностной сторонами правовых норм, необходимо использовать некоторые идеи из особой области современной логики, названной *модальной логикой*.

Специалистам известно, что среди объектов исследования современной формальной логики находятся т.н. *модальные суждения*.

Любое модальное суждение содержит две части: 1. *Диктум*, т.е. высказывание, содержащее основное знание (информацию) – когнитивное суждение, которое может быть истинным или ложным; 2. *Модус*, т.е. «приставку», содержащую дополнительную

информацию об *отношениях, мнениях, согласиях, оценках, приказах* и т. д. субъектов познания и действия по отношению к какому-либо объекту (материальному или идеальному).

С точки зрения формальной логики *повелительные* суждения представляют собой модальные суждения, принадлежащие к *деонтическому модусу*. Деонтический диктум содержит познавательные суждения, например, тексты юридических документов, а деонтический модус представляет собой своего рода «приставку» к ним. Для того чтобы на практике реализовать содержание познавательных *суждений*, т.е. преобразовать их в *веления*, перед ними ставится деонтический *модус*, представляющий определенные императивы, предписания (обязательства, запреты и т. д.).

В связи с изложенным выше представляют интерес идеи австрийского известного философа права и правоведа *Ганса Кельзена* (1881-1973). Выражаясь образно, писал он, «мы называем «нечто» содержанием бытия или содержанием долженствования. Иначе это можно выразить так: определенное нечто, в особенности, определенное поведение, может обладать либо свойством «быть», либо свойством «долженствовать быть». Если мы рассмотрим два высказывания: «Дверь закрывается» и «Дверь должна закрываться», то заметим, что в первом случае «закрывание двери» представлено как сущее, а во втором – как должное. Сущее поведение не тождественно должному поведению; сущее поведение равнозначно должному поведению во всем, кроме того обстоятельства, что одно есть, а другое должно быть, т.е. кроме модуса. Поэтому следует отличать поведение, предусмотренное нормой как должное, от соответствующего норме фактического поведения. Поведение, предусмотренное нормой как должное (т.е. содержание нормы), можно сопоставить с фактическим поведением и заключить, что оно соответствует либо не соответствует норме (т.е. содержанию нормы). Однако поведение, предусмотренное нормой как должное, т.е. как содержание нормы, не может быть просто фактическим поведением, соответствующим норме» [5, стр. 17].

В практической деятельности, мы часто используем деонтические следующие *операторы: обязательный, разрешенный, запрещенный* и т. д. Например, «Органы уголовного преследования и судебные инстанции обязаны действовать в ходе уголовного судопроизводства таким образом, чтобы ни один невиновный не подвергнулся подозрению, обвинению или осуждению и никто не подвергнулся произвольно или без надобности мерам процессуального принуждения либо не стал жертвой нарушения других основных прав» [1, статья 1(3)].

В логической транскрипции это означает: «Обязательно, чтобы органы уголовного преследования и судебные инстанции действовали в ходе уголовного судопроизводства таким образом, чтобы ни один невиновный не подвергнулся подозрению, обвинению или осуждению,

и никто не подвергался произвольно или без надобности мерам процессуального принуждения либо не стал жертвой нарушения других основных прав».

Эти операторы используются в предписывающих рассуждениях, в нормативных дискурсах, которые изучаются в дисциплине, называемой *логикой норм* или *деонтической логикой* (от греческого *deontos* – «так должно быть»). Правовое мышление тесно связано с деонтической логикой, поскольку нормативная система права на формальном уровне содержит конструкции с деонтическими операторами: *разрешено (P)*, *запрещено (F)*, т.е. *не разрешено не-P*, *обязательно (O)*, *безразлично (I)*.

Деонтические операторы *P*, *F*, *O* и *I* взаимоопределяемы, т.е. одни из них могут быть выражены через другие: *обязательно p* означает *запрещено не-p*, а *запрещено p* эквивалентно *обязательно не-p*. Например, предложение «*обязательно платить налоги, соблюдать правила дорожного движения*» эквивалентно следующему: «*запрещено не платить налоги, не соблюдать правила дорожного движения*». В обратном смысле, когда мы говорим, что «*запрещено воровать, насиловать, убивать*», мы имеем в виду его эквивалент: «*обязательно не воровать, не насиловать, не убивать*».

Нет необходимости подробно анализировать множество работ, посвященных проблеме истинности юридических суждений. Многие авторы считают, что суждения, выражающие приказы, запреты, полномочия, т. е. различные императивы, не имеют истинностного значения, т. е. не являются ни истинными, ни ложными. Другие специалисты, напротив, утвердительно отвечают на вопрос о том, могут ли предписывающие юридические суждения (высказывания, предписывающие определенные виды поведения субъектам социальной деятельности) обладать истинностным значением?

Верно, что различные статьи Конституции, органические законы или иные нормативные акты сформулированы в изъявительном наклонении. Например, в конституциях демократических государств говорится, что их граждане равны перед законом и органами государственной власти, без привилегий и без дискриминации, или что судебные органы обязаны обеспечивать на основе доказательств истину о фактах и обстоятельствах дела, а также в отношении личности подозреваемого или обвиняемого.

Логически выражаясь, с одной стороны, мы имеем дело с простыми *атрибутивными истинными суждениями*, потому что они соответствуют социальной реальности и практике: как атрибутивные предложения, они выражают связь между логическим субъектом (*S*) и логическим предикатом (*P*). С другой стороны, как статьи, взятые из текстов некоторых законов, такие правовые положения формулируют цели права как системы *общеобязательных норм*. Поэтому они выражают юридические императивы, являются эталонами в качестве

средств управления людьми, создания общественно-экономического порядка, желаемой дисциплины в обществе; они являются несомненными стандартами (если законы были обнаружены и опубликованы), подобными объективным фактам, законам, действующим в природе, которые агенты социального действия должны принимать как таковые и которым должны подчиняться. В этом аспекте юридические суждения являются *предписывающими* суждениями и не обладают *истинностным* значением, не поддаются эпистемологическим (познавательным) оценкам.

В связи с вышеизложенным, считаем важным обратить внимание на мнение Г. Кельзена, который подчёркивал: приказ, разрешение и уполномочивание – это не суждение о фактическом бытии, а *норма долженствования*. Например, в уголовном законе может содержаться предложение: «Воровство карается тюремным заключением». «Смысл этого предложения не суждение о фактическом событии, как может показаться из буквального текста, но норма, т.е. приказ или полномочие карать воровство тюремным заключением. Законодательный процесс представляет собой ряд актов, смысл которых в их совокупности есть нормы. Когда говорят, что посредством одного из вышеупомянутых актов или с помощью актов, составляющих законодательную деятельность, «создается» или «устанавливается» норма, то это просто образное выражение, указывающее, что смысл или значение этого акта либо актов, составляющих законодательную деятельность, есть норма. Однако следует отличать субъективный смысл от объективного. «Долженствование» есть субъективный смысл всякого человеческого акта воли, интенционально направленного на поведение другого. Но не каждый такой акт имеет этот смысл также и объективно. И только когда он также и объективно имеет смысл долженствования, это долженствование называют «нормой» [5, стр. 17].

Выше мы говорили, что *модус* предписывающих суждений имеет своим объектом волю, сознание субъекта права, которыми он должен регулировать свое поведение, приспособлять, примерять его к требованию правовой нормы. Сами прескриптивные предложения имеют своим объектом поведение субъектов права: прескриптивные предложения указывают им модели или правовые нормы поведения. Именно поэтому предписывающие высказывания могут оцениваться иначе, чем когнитивные суждения, например, по критериям полезности (как полезные или бесполезные), действительности (как эффективные или неэффективные), нравственности (как нравственные или аморальные) и т.д. Аксиологические суждения оценивают поведение субъектов права по отношению к предписанию нормы. Таким образом, поведение можно оценить как справедливое, законное (т.е. соответствующее норме) или несправедливое, противоправное (т.е. не соответствующее

норме). Поэтому оценочные суждения, в том числе и юридические, имеют квалификацию справедливых или несправедливых. Например, справедливые или справедливые суждения (с юридической точки зрения) представляют собой цепочки обоснованных рассуждений (формально правильных), которые содержат различные когнитивные, дескриптивные суждения (простые или сложные), а также оценочные суждения, однако *истинными* или *ложными* они не могут считаться. Они содержат не только когнитивные суждения, поэтому соответствующие (объективные, материальные) истинностные значения – *истина* или *ложь* – к ним не применимы. Так, румынский юрист и философ права *Георге Михай* в работе «Психология риторического дискурса» писал, что *ни одно судебное решение не имеет истинностного значения – истинного или ложного – по той простой причине, что оно является «результатом соглашения», которое бросает вызов эпистемологическому смыслу истины.*

Итак, любая норма, в том числе, юридический закон позитивного права, как отмечал Г. Кельзен, представляет собой «нормативный порядок человеческого поведения, т.е. систему регулирующих человеческое поведение норм. Понятие «норма» указывает на то, что нечто *должно* быть или совершаться и, особенно, что человек *должен* вести себя определенным образом. Таков смысл определенных человеческих актов, интенционально направленных на поведение других» [Там же, стр. 14].

Поскольку «действительность нормы есть долженствование, а не бытие, следует отличать действительность нормы от ее действительности, т.е. от того факта, что норма на самом деле применяется и соблюдается и что люди на самом деле действуют в соответствии с этой нормой. То, что норма действительна, не равнозначно тому, что она фактически применяется и соблюдается, хотя между действительностью и действительностью нормы может существовать определенная связь. Правовая норма считается объективно действительной лишь в том случае, если поведение, которое она регулирует, хотя бы в некоторой степени фактически соответствует ей. Норма, которая никем и никогда не применяется, и не соблюдается, т.е., как принято говорить, не действительна ни в какой, даже в самой малой степени, не считается действительной правовой нормой» [Там же, стр. 21].

Выводы. Юридические суждения (простые или сложные) представляют собой составные части правовых норм, судебных решений, правовой квалификации действий, совершаемых отдельными физическими лицами и т.п. Наряду с когнитивными, дескриптивными суждениями (описательными, повествовательными), которые могут быть истинными или ложными, в юридической мыслительной деятельности используются повелительные (предписывающие) суждения, выражающие намерения, оценки определенных

поступков (действий или бездействий со стороны лиц, которым они адресованы (например, практическое действие, словесный ответ), *аксиологические* суждения (оценочные, признательные и т.д.) отражают намерения, оценки и т.д.

Учитывая принципиальное отличие классической истины (объективной или материальной истины) от «истины» юридической, специалисты-правоведы оперируют суждениями о сущем, о констатации определенных деяний, соединенными с юридическими суждениями, относящимися к нормам и принципам права, т.е. о *должном*. Иными словами, юридический дискурс включает в себя также суждения иного характера, чем когнитивные. Юридические суждения содержат не только истины о человеческих фактах. Они выражают справедливость оценок (правоведами) общественных явлений с точки зрения правовых норм.

Итак, в оценочных суждениях, в том числе и юридических, поступки, деяния людей характеризуются как положительные или отрицательные, законные или незаконные, а сами нормы – как справедливые или несправедливые, эффективные или неэффективные и т.д. Поэтому сами юридические нормы и судебные решения не могут обладать истинностным значением *истина или ложь*.

В юридической деятельности *рациональными* (разумными) признаются факты (действия или бездействия), соответствующие нормам позитивного права. Следовательно, специфика юридических оценочных суждений состоит в том, что объективная истинность когнитивных суждений дополняется справедливостью применения императивов права, то есть оценок, определяемых правовыми нормами (материальными и процессуальными).

Библиография:

1. *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.03.2022 г.)*. Мониторул Официал ал Р. Молдова № 104-110/447 от 07.06.2003.
2. Бабаев В. К. *Норма права как истинное суждение*: Известия высших учебных заведений. Правоведение. Санкт-Петербургский университет (Санкт-Петербург), 1976, № 2, с. 30-37.
3. Баранов В.М. *Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с. ISBN 5-292-00739-0.
4. Баранов В. М. *Истинность норм права в трактовке В.К. Бабаева: современная доктринальная оценка и перспективы развития. Научное наследие В.К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки*: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева (Нижний Новгород,

- 21–22 мая 2020 года) / под ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. 521 с. ISBN 978-5-88840-176-7.
5. Кельзен Г. *Чистое учение о праве*. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с. ISBN 978-5-905966-54-5.
6. Строгович М. С. *Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса*. М.: Изд. «Наука», 1968. 466 с. 1-Ю-2 67-68 (И).